

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-1-153-161

© И. В. Лемешкин (Чехия, Литва)

ЧЕШСКАЯ «ПСАЛТЫРЬ 1487 ГОДА» И ПСАЛТЫРЬ Ф. СКОРИНЫ (1517) *AD GLORIAM VENERATIONEMQUE DEI*

Формулировка «богу ко чти и похвале» красной нитью проходит по пражским и виленским изданиям Ф. Скорины (францискск скорин(а); *Franciscus quondam domini Luce Scorina de Poloczko; ffrantissek Rufs skorýn f poloczko*; Полоцк, 1470¹ — Прага, 1551/52²). Фраза становится текстообразующей: проникает на титульные листы, в предисловия, послесловия и колофоны; преподносится как прозой, так и стихом. Последовательность и частотность употребления дали основание думать, что фраза отражает некую «мировоззренческую установку» и даже «издательское кредо»,³ однако то, что современный человек часто склонен воспринимать как авторский текст и некую индивидуальную «визитную карточку» рутенского издателя, на самом деле уходит своими корнями в риторику Средневековья.

Ядро синтаксической конструкции — тривиальное и избитое словосочетание «Богу ко славе» — присутствует в Первом послании к Коринфянам: «Sive ergo manducatis, sive bibitis, sive aliud quid facitis: omnia in gloriam Dei facite» («Итак, едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте во славу Божию» (Кф. 10: 31)) и, конечно, не только. Потенциал и характер использования трафаретного словосочетания хорошо иллюстрирует иезуитский девиз «Ad maiorem Dei gloriam» (ср. формулировку «Ad maiorem Dei gloriam inque hominum salutem» («К большей славе Божией и спасению человечества»), приписываемую Игнатию из Лойолы), который, как полагают, берет начало в христианской идиоматике Григория Двоеслова: «Sed ad maiorem Dei gloriam vicit pietas illud pectus virtutis...» («Наконец, к величайшей славе Божией, сострадание преобедило твердую добродетель смирения...»)⁴. Примечательно, что данная формулировка весьма часто сопровождает печатную продукцию упомянутого ордена, но ни о каком «издательском кредо» и в этом случае речи быть не может.

Механически воспроизводимое поэтическое средство является формальным выразителем христианского благочестия. Вычурная религиозно-ревностная флоскула (лат. *flosculus* — «цветочек, цветок; лишённое смысла изречение, изящный, но пустой оборот речи, цветистое выражение») без всяких амбиций на статус пресловутого «кредо» вольно переходит, меняя свою языковую оболочку, из одного издания в другое, от одного издателя (печатника) к иному.

С точки зрения издательского дела она, будучи устойчивым стилистическим мотивом, может обозначать, пожалуй, лишь когерентную принадлежность книги к корпусу

¹ Лемешкин И. 1470 — год рождения Ф. Скорины // Франциск Скарына: новыя даследаванні. Мінск, 2019. С. 23–85.

² Лемешкин И. 1) Франциск Скорина и Прага 1541 г. // *Palaeoslavica*. 2016. Т. XXIV/1. С. 52–78; 2) Симеон Рус и Франциск Скорина // *Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka*. [Т.] 2013–2014. 2018. С. 12–36.

³ Лицкевич О. В. Стихотворный фрагмент из старобелорусского перевода «Повести о трех королях» (XV в.) — ранняя попытка адаптации «западной» книжной поэзии на Руси // Человек верующий в культуре Древней Руси. Материалы международной научной конференции 5–6 декабря 2005 года. СПб., 2005. С. 19–24.

⁴ Пер. по: Святого Отца нашего Григория Двоеслова, епископа римского, Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души. Казань, 1858. С. 19. Курсив мой. — И. Л.

печатной продукции *того же самого* издателя или книгопечатни (в пределах той или иной локальной печатной традиции). С тем же успехом Микулаш Конач (Mikuláš Konač) использовал светскую по содержанию флоскулу: словами «Máš tuto, Čechu milý...» («Вот Тебе, чех милый...»)⁵ сначала книгу как бы лично вручал читателю, а в конце издания желал ему счастья: «mějž se dobře» («всего Тебе доброго»). Двусоставная и часто повторяющаяся апеллятивная конструкция, характерная для стилистики изданий 1507–1528 годов М. Конача, засвидетельствована по меньшей мере восемнадцать раз. Иногда флоскулу сопровождали (расширяли) и некоторые текстовые элементы, на самом деле отражающие дидактические и прагматические издательские установки. Так, например, книги 1520 года «Mistra Jana Husy kazatele, slavneho dědice českého, Dvanacti člankuo viry křesťanske obecne, desiti Božích příkazani a modlitby Paně Otčenaš etc. vykladoue každemu spaseni žadajicimu křesťanu nejpotřebnější» (V Praze: Mikuláš Konač z Hodiškova, 1520) (Knihopis č. K03266)⁶ финализирует пассаж: «Mějž se dobře a těmito knížkami samými se spravíc, své učedlníky spravujte, abyšte s Balámem od voslic spraveni a trestáni nebyli. V městě převelikém Praze koupíš tyto kniežky nedraze» («Всего Тебе доброго, а сам руководствуясь этими книжками, руководи и своими учениками, чтобы не уподоблялись Валааму с его ослицей. В городе превеликом Праге купишь эти книжки недорого»).

Внимательный взгляд, обращенный к пражским современникам и предшественникам, позволяет выявить тот печатный источник (близкий и по времени, и по месту издания), из которого Ф. Скорина непосредственно черпал. Этим источником, как уже было выявлено ранее,⁷ была «Пражская Библия» 1488 года («Bible pražská», Knihopis č. INC013). Объемная инкунабула, охватывающая Старый и Новый Заветы, стала первым полным изданием Священного Писания на чешском языке, а одновременно и первым славянским изданием *всей* Библии.

Колофон чешской инкунабулы сообщает:

Praczy teto a diela • knih tiechto zakona
božie[h]o konec z včinién g[es]t f[ra]t[er]nie • w fla /
wnem Mieftie Starem Pražkém • kte /
ružto praczy • floutni mužie a mieftia /
nee Pan Jan pytlík • a pan Seweryn
kramař to[h]o leta konjleee: a pan Jan od
čapuow • a pan Matieg od biele[h]o lwa • p[o] /
hledagicze naprzéd keczi a k chwale bo-
žie • a k dobře[m]v a počestnemu koruny fla /
wne zemie czeške • a ku prospiechu wier /
nych Czechow y Morawanow • jnaž-
nie przéd je wzmjje • przí nie Naklady
znamenite cžinili fu : a mužuw vcžených
Miftrnow Pražských : a giných wza-
konie božie[m] rozumných • wto[m] vžiwigice
pomocz y prz y wykladech fluffných a p[ra] /
wych • tak až k koncey tuž p[ra]cy przíwedli
A to leta božie[h]o tifyczie[h]o cžtyrz[te]h]o ofmde /
fateho ofmeho Miefyecze Srpna •

Перевод: «Этому труду и частям этих книг Закона божьего был положен счастливый конец во славном Старом городе пражском. Труд этот на себя ревностно взяли ува-

⁵ Здесь и далее перевод мой. — И. Л.

⁶ Здесь и далее приводятся данные по базе данных чешских инкунабул, палеотипов и старой печати: Knihopis — soupis českojazyčných tisků do r. 1800. См.: http://aleph.nkp.cz/F/KL4IUVEV/SBD4EIGPJDPP4GALDP54HHBAUE4QQFTTTRY6HIV2GT-24565?func=file&file_name=find-b&local_base=KPS; дата обращения: 31.10.2021.

⁷ Лемешкин И. Библия Пражская (1488) и «Бивлия руска» Франциска Скорины. Место печатания // Францыск Скарнына: асоба, дзейнасць, спадчына. Мінск, 2017. С. 154–194.

жаемые мужи и мещане: пан Ян Питлик, пан Северин купец, в том году бургомистры, пан Ян из [дома (с домовым знаком)] «Аистов» и пан Матей из [дома (с домовым знаком)] «Белого льва», усердствуя в первую очередь Богу ко чти и ко хвале, и к доброму и честному короны славной Богемии, и на благо верных чехов и моравов; при этом премного затратились. Для подобающего и правильного истолкования воспользовались помощью мужей ученых, пражских магистров и иных знающих Закон божий. И так к концу эту работу привели в год от Рождества Христова 1488, в августе месяце».⁸

Долгое время исследователям Ф. Скорины оставалась неведомой смысловая и синтаксическая взаимосвязь между колофоном «Пражской Библии» и «Бивлией русской». Ср.:

*naprzęd keczi a k chwale bożie • a k dobre[m]v
a ročestnemu korunu šlawne zemie sčeske •
a ku prospiechu wiernych Szechow
у Мораванов*

*Нап^ре^дз ко ч^ти и к^к по^хвале бо^гу въ тройци единому •
... И Люд^мз посполитым^з все^мз к^к пожитк^ку
(из колофона в Книге Песни Песней Соломона,
8 января 1518 года)*

Абстрактному обстоятельству цели «k dobre[m]v a ročestnemu» у Ф. Скорины соответствует (в других вариантах колофона) «к добром^у научени^ю» или «к пожитк^ку посполитого доброго». Так как палеотипы предназначались для другой читательской аудитории, то в них закономерно меняется коллективный адресат (дедикат): «a ku prospiechu wiernych Szechow у Мораванов» — «И Люд^мз посполитым^з все^мз к^к пожитк^ку».

В составе колофона синтаксическая конструкция вольно моделировалась в зависимости от полиграфических возможностей. Не желая выйти за пределы последнего листа, наборщик сжимал текст. Когда пространственных ограничений не было (как в выше оговоренном случае, где колофону был отведен весь оборот листа), синтаксическая конструкция использовалась в (более) полном объеме. Следует особо обратить внимание на то, что указанная формулировка встречается и в инициальных элементах паратекста. Тожественную конструкцию впервые обнаруживаем в предисловии к Псалтыри: «Нап^ре^дз ко ч^ти и к по^хвал^ь б^гу въ тр^ици единому <...> А потом^з к пожитк^ку посполитого доброго» (Псалтырь, 6 июля 1517 года).

В следующей по очереди издания Книге Иова (10 сентября 1517 года) та же самая конструкция подверглась существенному сокращению и вольному стихотворному переложению:

бо^гу въ тройци единому ко ч^ти и ко славе :
матери е^го преч^той к^к по^хвале :
все^м небесны^м сила, и ст^ым^ь е^го к^к весел^ю :
люд^м посполиты^м к^к добром^у научени^ю :

Ту же самую формулировку, только в еще более концентрированном виде, находим на титульной странице ко всей Библии: «бо^гз ко ч^ти и люд^мз посполитым^з к добром^у научени^ю» (Книга Бытия, 1519). И т. д.

В предшествующей работе, в которой затрагивалась данная тема, был сделан вывод, что на форму выражения рутенского издателя повлиял колофон «Пражской Библии».⁹ Данный справедливый вывод целесообразно распространить и на иную

⁸ Для сравнения приводим перевод на немецкий Й. Добровского: «Diese Arbeit und dieß Werk dieser Bücher des göttlichen Gesetzes ist glücklich geendiget in der berühmten Altstadt Prag. Welche Arbeit die vornehmen Männer und Bürger: Hr. Johann Pytlik, und Hr. Sewerin Kramarz, dieses Jahres Bürgermeister, und Hr. Johann von Störchen, und Hr. Mathaus vom weißen Löwen, indem sie ihre Absicht zuvörderst auf die Ehre Gottes, und auf das Beste der Krone Böhmens, und auf den Nutzen der getreuen Böhmen und Mährer richteten, mit vielem Fleiße unternommen und auf selbe ansehnlich große Kosten verwandt, und bey gehöriger und richtiger Auslegung sich der Nülfe gelehrter Männer, der Magister zu Prag, und Anderer, die das Gesetz Gottes verstehen, bedienen haben, und so brachten sie diese Arbeit zu Ende. Und dieß in Jahre tausend vierhundert, auch und achtzig, im Monate August» (*Dobrowský J. Böhmsche Litteratur. Prag, 1779. S. 58–59*).

⁹ Лемешкин И. Библия Пражская... С. 154–194.

библейскую продукцию пражских печатников, а одновременно уточнить источник, который был актуален для Ф. Скорины в 1517 году.

Дело в том, что идентичная по структуре и содержанию флоскула присутствует и в первой пражской инкунабуле — «Псалтыри 1487 года» («Žaltář», Knižopis č. INC011). Ее создание приписывают анонимному Печатнику Псалтыри (Tiskař Žaltáře), который первым в Праге занялся печатным делом. В декабре 1487 года тот же печатник повторно опубликовал чешский перевод рыцарского романа Гвидо де Колумна «Троянская хроника» («Knihu Kronyky Trojanŕke», Knižopis č. INC012), первое издание которого, предположительно, состоялось в городе Пльзень в период 1485–1486 годов («Trojanská kronika», Knižopis č. INC004). Печатник Псалтыри, освободив место Печатнику Пражской Библии (Tiskař Pražské Bible), в 1488 году, по всей видимости, ушел в Кутну Гору, где занялся реализацией конкурентного проекта — подготовкой к изданию иллюстрированной «Кутногорской Библии» 1489 года («Bible kutnohorská», Knižopis č. INC035 и INC036).¹⁰

Таким образом, Печатник Пражской Библии продолжил — вероятно, в той же самой книгопечатне¹¹ — деятельность Печатника Псалтыри. Ориентируясь на «Псалтырь 1487 года», Печатник Пражской Библии актуализировал флоскулу, годом ранее использованную его предшественником. Текстологический анализ показывает, что одинаковым образом поступил и Ф. Скорина, в начале своей издательской деятельности (при издании Псалтыри) также обратившийся к тому же самому источнику 1487 года.

Интересующий нас колофон чешской Псалтыри гласит:

Jŕu pak kniehy tyto ne
 pere[m] pŕany ani obyčezegem obeczie[m] ŕkrze
 piefarze zpuofobeny ale rytymi na twrdem
 kowu litterami welmi wtypnym biehem v/
 čynieny a wytŕkany kke čti napřed a k chwa/
 le bozie. a ku počtiwoŕti yazyku czeŕkeho: ku
 poczeŕtnoŕti take ŕlawne[ho] mie[ŕta prazŕke[ho] w
 niemzto ŕpuofob tento zaltarze tohto g[es]t s
 pracy a ŕ velikym nakladem včnien A to le/
 ta ŕyna bozieho tiŕyeczeho cztŕyŕtŕeho ofinde/
 ŕateho jedmeho kralowanie nayiaŕnieg[ŕŕie-
 ho kniezete a pana • pana wladiŕlawa Kra/
 le Czeŕkeho leta Sŕeŕtatezŕteho

Перевод: «Книги эти не пером писаны и не обычным образом посредством переписчика переписаны, но буквицами, вырезанными из твердого металла, очень находчивым образом созданы и напечатаны прежде всего Богу ко чти и к похвале; и к чести чешского языка (народа); к славе также славного града пражского, где такого рода Псалтырь с большим трудом и большими затратами осуществлена; в год [от Рождества] сына божьего 1487, на 16 год правления наияснейшего господина короля чешского Владислава».

Сравнительно-текстологический анализ показывает, что Ф. Скорина вольно перифразировал чешский колофон 1487 года. Перед нами не дословный перевод, однако общая структура оригинала и главные его показатели (лексико-сематические, синтагматические) легко отслеживаются:¹²

¹⁰ Voit P. Český knihtisk mezi pozdní gotikou a renesancí. II. Tiskaři pro víru i tiskaři pro obrození národa 1498–1547. Praha, 2017. С. 159–160.

¹¹ Urbanková E. Nejstarší prvotisky českého původu // Knih tisk a kniha v českých zemích od husitství do Bílé hory. Sborník prací věnovaných k 500. výročí knihtisku. Praha, 1970. С. 17–59.

¹² Цифрами в этой и следующих таблицах отмечены структурные части сопоставляемых нами формул.

«Псалтырь 1487 года»

Jfu pak kniehy tyto ne pere[m] p[ř]any ani obyczegem obeznie[m] [krze piefarze zpuobjeny ale 1) rytymi na twrdem kowu litterami welmi wtypnym biehem včynieny a wtyj[kany 2) kke čti napřed a k chwale bozie. a 3) ku počtiwoſti yazyku cze[keho: 4) ku rozczestnoſti take [lawne[ho] miesta praz[ke[ho] w niemzto [spuo]job tento zaltarze tohotog[es]t s pracy a ſ welikym nakladem včinen

Псалтырь, 6 июля 1517 года

• и́ бидѣчи таковыѣ пожиткѣ въ так малонѣ книзе, ꙗ́ францїшеꙗ скорининъ сынъ с полоуцька, в лекарскихъ навѣкахъ докторъ, повѣлелъ є̑ сми 1) псалтырю тиснѹти рускими словами ꙗ словенскѣи ѣзыкомъ • 2) Напѣ́ ко чти и́ к похвалѣ бгѣ въ трѣи ѣдиномꙗ, и́ прѣтой є̑о матери марїи, и́ всемъ небнымъ чиномъ и́ стѣимъ бжїимъ, 3) ꙗ потомъ к пожиткѣ посполитого доброго, Наболей с тоє причины и́же ма млѣивый бгѣ с того ѣзыка на светѣ пѣстїлѣ

Автору чешского колофона было важно подчеркнуть, что книга создана инновационным, т. е. наборным, а не рукописным, способом и что *печатается* она впервые *по-чешски*. Речь заходит о литерках, вырезанных из твердого металла, и об искусственном способе их «тиснения» (1). Будучи не печатником, но издателем, Ф. Скорина заявляет о своем *повелении* «печатать русскими литерами по-(церковно)славянски» (1). Вслед за технологическим затрагивается телеологический аспект. Перед нами идентичная двусоставная флоскула: 1) «kke čti napřed a k chwale bozie» — «Напѣ́ ко чти и́ к похвалѣ бгѣ...» 2) «[rak] ku počtiwoſti yazyku cze[keho» — «ꙗ́ потомъ к пожиткѣ посполитого доброго [ѣзыка]» (3). Локальный патриотизм (утраквистская Прага + чешский язык), эксплицитно присутствующий в первой пражской чешскоязычной инкунабуле, предопределил ход мысли о языковой среде, присущей рутенскому издателю от рождения: «ма млѣивый бгѣ с того [посполитого доброго] ѣзыка на светѣ пѣстїлѣ».

Таким образом, чешский колофон 1487 года нашел себе любопытное применение в предисловии к Псалтыри 1517 года. Особого рассмотрения при этом заслуживает сравнение самих предисловий. При беглом ознакомлении складывается впечатление, что Ф. Скорина в композиционном отношении до некоторой степени «скопировал» или, точнее сказать, «скомбинировал» чешский источник: его предисловие и колофон.

Изложение в обоих случаях начинается со сравнения и противопоставления творений пророков, причем подчеркивается, как и следовало ожидать, неповторимость Псалтыри в контексте всей Библии. Чешский автор, подробно оговорив все сложности восприятия божьего слова, целиком сосредотачивается на проблемах рецепции Псалтыри и ее перевода: «[N]E tak zgewnie a otewrzenei rzeči Dawida proroka iako piſma ginych pro[ro]kuow mohu w iazyk syzu przekladana byti. <...> w piſnich ſwatych a zwlaſtſtie w tomto naffem proroku y flowa jama y take pařadek tiech flow moc weliku čini y waznoſt» («Речи Давида пророка так очевидно и открыто не могут быть переводимы на иной язык, как писания других пророков. <...> в святых песнопениях, а в особенности у этого нашего пророка, слова и сам их порядок составляют огромную силу и важность» (f. 1r)). Переводоведческим размышлениям (см.: «ten ktoz řeči wykłada newduczky slowo od flowa : ale od roz[um]u rozum muz wyloziti» — «тот, кто речи переводит, не всегда слово в слово, но и смысл в смысл может переложить» (f. 2r) и т. д.) отводится большая часть предисловия, причем отдельно оговариваются особенности создания и искомого бытования псалмов, которые современному переводчику значительно осложняют задачу. В псалмах, по утверждению автора, воздается хвала Богу («chwali ſe buch»), звучат слова благодарности за добродетели («z welike radoſti p[ř]i[n]ieiake dobrodini diek činieni ſe pojobi») или покаяния («ohlajſuge ſe pokanie»). Так как все перечисленное восходит от сердца («z jnazneho pohnutie a zadoſti ſdce pochazu»), то псалмам свойственна эмотивная хаотичность, недосказанность и фрагментарность, что значительно осложняет труд переводчика. Данная особенность, по мнению автора, должна быть учтена читателем.

У Ф. Скорины сопоставление Псалтыри с другими частями Библии носит качественно иной оттенок — не филологический и менее аналитический. Автор пишет не как переводчик. Он вольно «беллетризирует» и в витиеватых оборотах, насыщенных *вереницей* однородных членов, образно апеллирует к чувствам читателя: «паломъ є̑..., паломъ є̑..., паломъ є̑..., тамъ є̑..., тамъ є̑..., тамъ є̑..., тамъ є̑..., тамъ є̑...» и т. д.

Оговорив в контексте иных библейских книг особенности Псалтыри, ее уникальные *пожитки*, Ф. Скорина обращается к колофону 1487 года, перефразирует его: «И видечи таковые пожиткы е' такъ малои книзе, иа' фран'цишек' скорининъ свнъз с' полоцька, в' лекарскихъ навъкахъ докторъ, повѣлелъ ѣсми псалтырю тиснѹти рѹскими словами а' словен'скыи ѳазыкомъ Напрѣ' ко чти и' к похвалѣ бгѹ...».

Далее авторы предисловий похожим образом растолковывают название книги, причем Ф. Скорина многие детализирующие подробности опускает:

«Псалтырь 1487 года»

1) *Proč pak tyto knihy flowu zaltař wiedzietí maš ze zaltař g[s]t naštroi aneb naprawa hudby*
 2) *mage zpofo[b]ju a for[m]ju podob[n]ju obecne lautnie* 3) *gfa toho[t]o rozdielu od nie ze lautna dřevo to prazne w ktore[m]z je zwiuk obrazi a zpuřob ma dole řtruni pak na dcku ge[n]z to prazne dřevo krige nahoře ma ale zaltař dřevo prazne ma nahoře ařtruny dole po dcku ktierz kryge to gifte dřevo tak ze se zdulu hude a hudba ta iako prawie przewtieřjena geřt : te geřt dawid poziwal przy řluzbie bozi řkladage piřnie kterez byly zpuřobne aby na ten zaltař hudeny byly : geřfto potom k hlafu te hudby zpiewali kniezi a Jahnowe chwaly ty od dawida řlozene A tak proto ze piřnie tiechcto knih hudeny byly na zaltař wřfecky knihy tyto : kterez zawieragi piřnie ty : 1) *od toho nařtroge a neb naprawy hudby zaltař flowu.* а 3) *ta naprawa byla o deřyti řtrunach* Jakoz pak zalmouw tiechto g[es]t w počtu wřfiejch Sto a padefate prawi řwaty auguřtyn a niekterzi gini ze by ge wřfecky řkladal řa[m] dawid Ale gini doctorowe znameniti krzeřtianiřti y řtarzi zidowřti mluwi zeby niekterzi znich a mnozy y od ginych take lidi nabožnych a řwatych řkladani byli : iakoz řtíomto je zda ze by to przimieijři a prawieijři bylo*

Наконец, предисловия завершает практическая информация, относящаяся к оформлению книг: «Nariřowe take při kazde[m] zal[m]ju tuto polozeni řu k rozu[m]ju duchowni[m]ju owřfe[m] obraceni» (f. 3r–3v) — «также бѹдь ведомо положижъ ѣсми некоторые на стороннцахъ в' сей псалтыри главы з' розныхъ книгъ...».

Сравнение публикаций 1487 и 1517 годов позволяет уточнить семантику некоторых проблемных фраз и словосочетаний (рускими словами; к пожиткѹ посполитого доброго), выявляет источник некоторых богемизмов («hudba» — «гѹдба»; «zdulu hude a hudba ta iako prawie przewtieřjena geřt, hudeny byly na zaltař» — «гѹди на псалтыри»), позволяет судить о вольности, с которой издатель импровизировал, т. е. вольно развивал мысль на основании немногочисленных печатных текстов своих пражских предшественников.

Таким образом, в изданиях Ф. Скорины флоскула, имеющая двоякий источник, приобретает несколько отличную форму:

Вариант а

«Псалтырь 1487 года»

а) kke řti napřed a k chwale bozie. а б) ku počtíowřti řazyku czeřkeho: с) ku poczeřtnowřti take řlawne[ho] mieřta prazřke[ho]

Вариант б

«Пражская Библия» 1488 года

а) napřzed kecřti a k chwale bořie • а k dobreř[m]v а с) počeřtnemu koruny řlawne zemie czeřke • d) а ku prořpiechu wiernych řzechow y Morawanow

Псалтырь 1517 года

Песни Соломона, 8 января 1518 года
и др. изд.

а) Напřе ко чти њ к похвалѣ бгѣхъ въ трѣхъ
ѣдинному..., б) А потомъ к пожитку
посполитого доброго [языка]

а) Напрѣдъ ко чѣти и к' похвалѣ богу въ
тройци ѣдинному · ... д) Й Людѣмъ
посполитымъ всемъ к' пожитку

В первом случае книга служит пользе языка (b), во втором — она предназначена «людям посполитым к пользе / научению» (d).

Первый компонент флоскулы остается неизменным («napřed keczti a k chwale božie» — «Напřе ко чти њ к похвалѣ бгѣхъ»), однако здесь целесообразен вопрос, насколько использование данного компонента является мотивированным, уместным и почему? Дело в том, что формулировка «keczti a k chwale božie» содержательно более подходит псалмам, так как последние действительно *воздают хвалу* Господу.

В этом отношении особенно показателен опыт Печатника Псалтыри. В предисловии настойчиво акцентируется *хвалебное* предназначение псалмов: «nadgine wŕŕeŕsky pro[ro]jky Dawid pro[ro]jk tu obwlaŕŕni powahu ma ze rzebi prorocत्वie ŕweho w pieŕniech poklada kterez geŕt ktomu ŕkladal aby byly k chwale boha wŕŕemohucieho hudeny a zpiewany od kniezi a jahnow vŕŕawičnie» («от всех других пророков Давид отличается тем, что свое пророчество вкладывает в песни, которые для того складывал, чтобы к похвале бога всемогущего их священники постоянно играли и пели» (f. 1v)); «tito zalmowe ŕu wnichzto <...> chwaly ŕe buoh» («эти псалмы, в которых прославляется бог» (f. 2v)); «zpiewali kniezi a Jahnowe chwaly ty od dawida ŕozene» («пели священники хвалы, Давидом сложенные» (f. 3r)). Данную мысль находим и в послесловии: «apostol tak ŕwaty pŕikazuje aby kŕeŕŕiane w piŕniech duchowniech y w zalmich boha chwylili» («апостол святой велит, чтобы христиане в духовных песнях и в псалмах бога хвалили» (f. 120v)). Вполне логично, что в завершение кольцевой композиции, а именно в состав колофона (f. 120v), вводится мотивированная флоскула: [данную книгу создал Давид / мы печатаем] «ke čti napřed a k chwale božie».

Таким образом, у «Псалтыри 1487 года» в содержательном плане прослеживается определенная взаимосвязь между жанровым своеобразием псалмов как хвалебных песнопений и использованием соответствующей по содержанию флоскулы о хвале Богу. Само собою разумеется, что данная взаимосвязь, прослеживаемая только в «Псалтыри 1487 года», при повторном воспроизведении флоскулы, т. е. в составе «Пражской Библии» и у Ф. Скорины (кроме, быть может, Псалтыри), нивелируется, так как вне Псалтыри, т. е. после 1487 года, она используется уже безотносительно к содержанию, а именно — к жанровым и функциональным особенностям печатаемых текстов.

Следует также обратить внимание на исключительно библейский контекст, в котором флоскула у пражских печатников — именно в таком словесном выражении — находит применение. В 1487 году Печатник Псалтыри, как уже было отмечено, издал две книги: Псалтырь (122 ff., 4°) и в два раза превосходящую ее по объему «Троянскую хронику» (240 ff., 4°). В 1488 году Печатник Пражской Библии напечатал Библию (610 ff., 2°), а также басни Эзопа (4°), которые до наших дней дошли, к сожалению, лишь в виде небольшого фрагмента («Aesopus: Vajky», Knihopis č. INC015). В публикациях познавательного-развлекательного характера, отсылающих к языческому наследию, использование флоскулы с божественным «дедикатом» было бы неуместным. Вместо нее, тоже в конце книги, находим правоучительное наставление о греховном человеческом влечении к славе и чести. Узнаем о том, что «светские люди стремились к славе, чтобы о них во многих странах и народах с хвалой говорили, [стремились] к чести, чтобы все их чествовали...» («ŕwietŕŕij lidee ŕtogie totiŕto o ŕlawu aby o nich po mnochych wlaŕŕtech y narodech ŕ chwalnie prawili o cŕeŕt aby ge wŕŕiczkni ŕ cŕeŕt gmieli» — 237v). Для этого они возвели «самые чудесные, большие, могущественные, славные и богатые города», однако всё и вся погибло, так что и следа не осталось. Итак, Печатник Псалтыри в своих публикациях сознательно противопоставляет порок брэнного

людского честолюбия и источник вечной, подлинной, т. е. божьей, «чести и славы» — Священное Писание.

Соответственно, флоскула «*naprzed keczi a k chwale bożie*» — «Напѣ́ ко чти ѿ к похвалѣ бѣ́», распространяясь на одну тематическую область книгопечатания, здесь имела ограниченную сферу применения. Уже только это одно обстоятельство не позволяет о ней говорить как о выражении какого бы то ни было «издательского кредо». Содержательно флоскула более всего гармонирует с Псалтырью, она подходит и другим библейским книгам, а также для всей Библии в целом, но в светских публикациях в таком виде является неуместной и контрпродуктивной. В печатных книгах светского, языческого, образовательного, познавательного-развлекательного характера божественную персону начиная с XVI века заменил образ земного правителя, благосклонного по отношению к дедикатору.

Секулярная форма реализации флоскулы является отнюдь не новой. Ее истоки ведут в средневековую рукописную традицию, где в рамках эпистолярной дедикации флоскула имела качественно иную семантическую окраску. Приведем фрагмент из «Чешского права» («*Práva zemská česká*»), где автор в тех же выражениях посвящает свой трактат королю: «*Já Ondřej starší z Dubé službu svú poníženú a hotovú ku poslušenství tvé velebnosti, pane a králi muoj milostivý, v tom jakožto tvój věrný, z tvé koruny české přirozenú věrú poddaný, k tvé cti a k tvému i všie země české počestnému i k obecnému dobrému psal sem pamět svú...*» («Я, Андрей старший из Дубе, к покорным службам Твоей Милости, господин и король мой милостивый, готов. Тебе преданный и верно-подданный Твоей короны Богемии, [я], — ко Твоей чти и к честному и посполитому добру Твоему и всей чешской земли — писал память свою...»).¹³ Произведение датируется концом XIV — началом XV века. Обращает на себя внимание, что более древняя светская вариация по своей структуре прекрасно сочетается (особенно в использовании практически идентичного оборота обстоятельства цели) с «божественным» осмыслением той же самой расхожей флоскулы у пражских книгопечатников конца XV века: «*k tvé (Вацлава IV. — И. Л.) cti*» (ок. 1400) / «*keczi bożie*» (1488) — «*a k všie země české počestnému i k obecnému dobrému*» (ок. 1400) / «*a k dobře[m]v a počestnemu koruny jawne zemie cze[ke]*» (1488).

Таким образом, оказавшись в Праге и занявшись здесь издательским делом, Ф. Скорина по примеру своих предшественников, пражских печатников конца XV века, пользовался широко известной и распространенной (транснациональной) флоскулой, истоки которой уходят своими корнями в литературную традицию Средневековья, где данная конструкция засвидетельствована в составе авторской дедикации.

Издавая Псалтырь, Ф. Скорина использовал тот вариант флоскулы, который в 1487 году был актуален (в жанровом ключе) для Печатника Псалтыри. В публикациях, последовавших после Псалтыри 1517 года, прослеживается уже более тесная взаимосвязь с колофоном «Правской Библии» 1488 года издания. К числу печатных источников, которыми в процессе подготовки своих изданий пользовался Ф. Скорина, без всякого сомнения, следует причислить не только «Правскую Библию» (1488), но и первую пражскую инкунабулу — «Псалтырь 1487 года», которая оказала влияние не только на языковые особенности основного текста, но и на композицию, а также содержание предисловия.

Флоскула, стабильно повторяющаяся в библейских публикациях Печатника Псалтыри, Печатника Правской Библии и Ф. Скорины, свидетельствует о месте появления данных изданий, которое ныне нам известно как книгопечатня купца Северина.¹⁴ Единственно известный потенциальный пражский «конкурент» в лице М. Кона-

¹³ Čáda F. Nejvyššího sudího království Českého Ondřeje z Dubé Práva zemská česká. Praha, 1930. С. 115 (Historický archiv České akademie č. 48).

¹⁴ Локализация книгопечатни: Старый город Праги (от 30 августа 1518 года — Великий город Праги), Куриный рынок (площадь св. Николая), дом купца Северина «У наполовину золотого месца». Современный адрес: Praha, Staré město, ul. Mikulášská č.p. 22/8. Подробнее см.: Лемешкин И. Библия Правская... С. 154–194.

ча в своей личной типографской мастерской (Privatdruckerei) на качественно ином (более низком) полиграфическом уровне издавал литературу совершенно иного порядка, сопровождая ее набором иных флюскул.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-1-161-176

© Н. В. Савельева

О ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ «РЕВНИТЕЛЕЙ ДРЕВЛЕГО БЛАГОЧЕСТИЯ»*

Впервые словами «ревнители благочестия» Иван Неронов определил своих сподвижников, ратующих за церковное благочиние, в послании к царице Марии Ильиничне от 2 мая 1654 года; в нем и сама царица уподобляется св. Елене «ревностию, еже ради благочестия».¹ Это определение, взятое на вооружение Н. Ф. Каптеревым,² стало условным термином, общеупотребительным для обозначения движения боголюбцев, которое сформировалось в нижегородских пределах, в Макариевом Желтоводском монастыре и прилежащих к нему приходах. Изучению деяний этого сообщества, его сущности и роли в русском историческом процессе, его соотносённости с европейскими реформационными движениями посвящено множество исследований, прежде всего работ историков, которые, анализируя церковную реформу патриарха Никона, никак не могли обойти вниманием события, предшествующие этой реформе и непосредственно с ней связанные.³

Все ученые так или иначе отмечают стремление боголюбцев к реформированию русской жизни, которое мыслилось ими в двух направлениях, нацеленных, по словам В. М. Живова, не столько на нравственное усовершенствование общества, сколько «на исправление ритуальных практик: с одной стороны, это практики церковно-богослужебные, из которых должны быть устранены различные послабления и нестроения, с другой — это народная внецерковная обрядовость, которая осмысливается реформаторами как антихристианская и которая, на их взгляд, должна быть полностью искоренена».⁴ Именно в поисках пути спасения через усовершенствование религиозных практик, в новом понимании благочестия, противоречащем прежней сотериологии и возвышающем роль человека (слушателя, реципиента) в литургическом действе, заключалась реформаторская составляющая движения ревнителей благочестия.⁵

Исследование каждой из этих линий в деяниях боголюбцев базируется на определенной группе источников разной степени полноты и значимости. Наиболее известный и наиболее содержательный документ, который представляет собой как бы общую исходную точку для обозрения намерений ревнителей благочестия, — это знаменитая челобитная 1636 года патриарху Иоасафу, подписанная девятью нижегородскими

* Статья является продолжением исследования, первая часть которого опубликована в предыдущем номере журнала, см.: Савельева Н. В. Споры о единогласном пении и московское издание Октоиха 1649 года // Русская литература. 2021. № 4. С. 65–77.

¹ Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые редакцией «Братского слова» / Под ред. Н. Субботина. М., 1875. Т. 1. С. 79.

² Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 1887. Вып. 1. Время патриаршества Иосифа. С. 114.

³ Подробный, хотя и не исчерпывающий, критический историографический обзор по теме помещен в новейшей монографии, посвященной деятельности кружка: Лавров А. С., Морохин А. В. Ревнители благочестия: очерки церковной и литературной деятельности. СПб., 2021. С. 9–25.

⁴ Живов В. М. Два этапа дисциплинарной революции в России XVII и XVIII столетия // Cahiers du monde russe. 2012. Vol. 53. № 2–3. P. 353.

⁵ Успенский Б. А. К вопросу о хомовом пении // Музыкальная культура Средневековья: Сб. науч. трудов. М., 1992. Вып. 2. С. 144–147; Живов В. М. Два этапа дисциплинарной революции в России... С. 350–352.